

Федеральное агентство по образованию
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Филологический факультет

ГОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»
Кафедра фольклора и истории книги
Центр фольклорных исследований

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛЕВОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Сыктывкар 2008

Т.Н. Бунчук, Е.А. Шевченко

**РАССКАЗЫ О КОЛДУНАХ В ТРАДИЦИИ с. НОШУЛЬ
ПРИЛУЗСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ КОМИ
(по записям фольклорной экспедиции СыктГУ 2004 г.)¹**

Фольклористическое исследование Прилузья связано с многолетним изучением кафедрой фольклора и истории книги СыктГУ традиций бассейна р. Лузы. В 2004 г. экспедиционная работа проводилась в населенных пунктах Прилузского района РК, административным центром которых является с. Ношуль. В ходе экспедиции удалось записать много интересных сведений по истории и этнографии края, сказки и суеверную прозу, музыкально-поэтический материал на коми и русском языках.

Село Ношуль, расположенное на правом берегу Лузы, впервые упомянуто в дозорной книге 1620 г. Тогда в Ношульской волости насчитывалось 49 селений. К концу XVII в. большинство селений слилось с другими или запустело. В конце XVIII в. существовали погост Ношульский и деревни Терехинская, Климовская, Кондратьевская, Яковлевская, Кузьминская, Горбуновская, Абрамовская, Лябовская, Карповская и Борок. Их жители носили фамилии Сазоновы, Шулеповы, Кузнецовы, Игнатовы, Трофимовы, Вахнины, Собнины, Бобровы, Горбуновы, Иевлевы, Ортяковы. Сегодня ношульский селенческий куст включает с. Ношуль и деревни Климовская, Яковлевская, Якутинская, Горбуновская, Верхняя Седка, Лихачевка, Сидорчой, Чекша, Чекша Дор, Орысь.

Исторические документы свидетельствуют о широких связях ношульцев с жителями других земель Русского Севера. Через Прилузье проходил торговый путь из Вятки в Архангельск, и Ношуль являлся перевалочной базой в транзитной торговле хлебом («вятская хлебная дорога»). Отсюда сплавлялись суда до Устюга, Котласа, Архангельска. В XVII – XVIII вв. немало ношульцев переселилось в Сибирь, на Вятку. В начале XVIII в. они участвовали в строительстве Санкт-Петербурга [Жеребцов 2001]. Ношуль был знаменит и своей ярмаркой. Все это сформировало особый бикультурный облик жителей [с. 180] данного края. Традиционная культура Ношуля представляет собой своеобразный сплав коми (финно-угорской) и русской традиций Севера, что отразилось и на языковом уровне: ношульцы свободно говорят как на коми, так и на русском языках, зачастую перемешивая в своей речи русские и коми слова.

Среди культурных традиций бассейна Лузы (как коми, так и русских) сложился особый образ Ношуля и его жителей. Например, в русской свадебной поэзии устойчивым мотивом корильной песни, адресованной сватье, является посещение ею Ношуля как места с отрицательной характеристикой, символически выражающей представление о чужом, потустороннем [Шевченко 2000]. Среди жителей других микрорайонов Прилузья распространено представление о ношульцах как о колдунах. Такой мифологический образ поддерживают и сами ношульцы: от них записаны многочисленные рассказы о колдунах-односельчанах, содержащие подробные сведения об именах, прозвищах, месте работы и проживания, биографии (см. рассказы о Можегове Савве Савиче (Дизань Савве) и Рубцове Максиме Васильевиче (Максиме Кирике) из д. Лихачевки, об Анне Григорьевне (Чиглиовне) из Ношуля, Устье (Остожне), Чугун Александре, Николае Семеновиче (Поргач Николае-еретике) из Чекша Дора, Петре Петровиче, Шулеповой Галине и др.). Подобная фактографичность присутствует только в рассказах о покойных на настоящий момент людях. О живых же колдунах сообщаемая информация напротив скупа. Причина этого – боязнь навлечь на себя беду (что может рассматриваться как одно из свидетельств живости описываемой традиции).

В рассказах о колдунах отмечаются классические для северной народной культуры мифологические мотивы и образы. Слово *колдун* в большинстве случаев является обобщенным именованием человека, обладающего сверхъестественными способностями

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05–04–41402 а/С).

и знаниями: умением насыпать порчу, привораживать, лечить и т.п. Однако есть основания полагать, что данная лексема появилась в здешних местах недавно. Прилузские коми воспринимают ее как заимствованную из русского языка, своей же считают другую – *еретик/еретник* («По-коми еретник, а колдун – по-русски» – ФА СыктГУ, Прилузское собрание. 13184-2; далее приводятся только шифры). Подобного рода распределение может охарактеризоваться и как стилистическое: лексема *колдун* маркирована как литературная, книжная, тогда как *еретик/еретник* воспринимается лексической единицей с разговорной окраской коми по происхождению.² Синонимичность и гиперонимичность их семантики подтверждается указанием на то, что в отличие от *бабушек, ворожеек, шептунов/шептушек, знахарей* еретники «на добро и на худо [делать могли]» (13169-41).

В описании облика колдунов и их действий доминируют мифологические (архетипические) характеристики. Их внешность может не иметь специфических особенностей: она принципиально никакая («Не очень большой ростом, ну, нормальный, нельзя сказать такой или такой» – 13178-29). Однако колдун обладает необычными глазами, способными видеть нечистую силу, а потому опасными («Могут сглазить люди с особыми глазами» – 13178-28; «...с черными глазами, как у нечеловека» – 13180-14). Такой взгляд колдун получает вследствие не совершенных предписываемых ритуальной практикой действий («Глаз плохой, потому что после родов у нее волосы не стригли, и стала кровь и глаза тяжелые» – 13180-14).

Колдуны обладают рядом сверхъестественных («иномирных») признаков: *удачливостью* («Ему больше всех попадается рыбы в сети» – 13170-37); *гиперсексуальностью*, [с. 181] благодаря которой они привораживают к себе женщин («У него много женщин было. Он очаровывал, что ли, как-то по-своему» – 13183-22); *необыкновенными физическими и психическими возможностями* – способностью читать мысли, предсказывать будущее, в одиночку строить дом (13189-23, 13171-43, 13183-22); *странностями в поведении* («становится не в себе» – 13183-25; постоянно бормочет под нос – 13177-24; напивается до беспамятства – 13178-29; идет в баню, не снимая шубы – 13180-7; после смерти распухает до такой степени, что приходится обвязывать гроб веревкой – 13170-3а; мертвый стучит по крышке гроба – 13180-18 и т.п.). Колдун может иметь какой-либо опознавательный знак (как правило, мифологически маркированный): «с черной кожаной сумкой» (13189-9). К необычным характеристикам относится и имя: в ряде случаев оно представляет собой удвоенную конструкцию, в которой отчество является производным от имени – Савва Саввич, Петр Петрович.

По рассказам ношульцев, колдуны обладают сверхъестественными знаниями благодаря непосредственному сношению с нечистой силой (13188-25, 13183-22) и чтению «книги черной магии» (13183-22а). Эти знания накладывают на них определенные обязательства, так как требуют постоянного практического применения. В рассказах колдун предстает как «подневольный работник» чертей/бесов: «Дают задание [черти]: вот столько-то коров надо портить. Этим они рассчитываются» (13180-11). Однако система общепринятых моральных ценностей не позволяет колдуну часто совершать античеловеческие поступки (насылать порчу и т.п.). По этой причине он вынужден направлять свою энергию на неодушевленные предметы («свое колдовство в лес пускал» – 13169-43, 13177-23, «Целый бор, говорит, высох; нам вырубить хватит двадцать лет» – 13178-28).

Представлен в рассказах ошульцев о еретниках и мотив превращения их в предметы, птиц, насекомых: салфетку (13170-1), ворону (13170-2), пауков и тараканов (13180-11).

² Свообразием билингвальной культуры прилузских коми является то, что в качестве литературного выступает русский язык. Это и формирует функциональную окрашенность русских лексем. Подобного рода стилистическую и даже генетическую дистрибуцию можно наблюдать и по отношению к другим словам, например *домовой* и *суседко*: первое характеризуется носителями языка как русское слово, второе – как коми.

Колдуны Ношуля и близлежащих деревень знали о существовании друг друга и осознавали себя особым сообществом, члены которого скорее противоборствовали, нежели сотрудничали: *«Говорят, мерились [силой колдуны], кто сильнее, кто не сильнее, кто кого борет»* (13170-6). Обычно такие состязания происходили в знаково маркированной ситуации (например, на свадьбе). В подобные периоды активность еретников заметно возрастала: *«[Колдуны] обитали, где свадьбы, всегда старались жениху-невесте плохо сделать»* (13188-23); *«Свадьбы портили»* (13170-6; 13167-44а; 13180-10); во время рождественских святок (светьё) они устраивали *«совещания на болоте: кому зло делать, кому добро делать»* (13177-27). Как правило, жители знали об этих сборищах колдунов, поскольку их полет на болото сопровождался шумом, наводившем ужас (*«... всё летит, грохочет»* – 13169-45; *«Мы в Рождество боялись из дому выходить: колдуны в Рождество летают по небу, только у-ух!»* – 13189-30). В рассказах о шабаше колдунов может присутствовать и ироническая нота: так, одна колдунья так напилась на собрании колдунов, что не долетела до дому и упала в сугроб (13177-28, рассказ на коми языке).

Еретники не только портили людей и животных, но и с разной степенью успеха лечили их. Наиболее частотными мотивами рассказов о порче («уроках») являются: насылание болезни, сбивание с пути, нанесение вреда домашней скотине, расстраивание семейных отношений. Любопытен мотив сбивания с пути: колдун мог лишить человека или скотину «знания» дороги домой, заставляя их странствовать определенное, как правило, мифологически отмеченное время – 3, 7, 9 дней/лет (13169-41, 13178-13). Интересно, что в одном из рассказов указывается на опасный (для колдуна благоприятный) локус для такого рода порчи – порог: колдунья заставила девушку съесть ломоть пирога (отломленный!) на пороге (*«Из комнаты выхожу, это как порог: одна нога здесь, другая тут, и порог-то между ногами»* – 13169-41).

[с. 182] Обычно колдуны вредили посредством воды и питья, поэтому угощению в доме прилузские коми придают особый смысл. Отказываться от него не принято, так как тем самым можно выразить недоверие хозяевам, заподозрив их в злых намерениях. Порча могла наноситься и собственными действиями человека. В одном из рассказов женщина «получила» от еретника головную боль, только подумав о возможности колдовства (*«Савво-дядь, ведь это у меня голова болит. <...> Может, ты ничего не подумал сам, а я-то подумала, что ты на мене голову капнул»*. – *«Да, – говорит, – не надо было думать <...> Ты подумала, вот тебе и попало»* – 13180-9).

В качестве оберега от еретника и противодействия его колдовству могли выступать скрещенные большой и безымянные пальцы (13167-44), ответная кража любого принадлежащего ему предмета (13169-41), умывание водой, пропущенной через взгляд трех человек (13178-14, 13184-2), углы стола, ручки двери.

Лечили ношульские колдуны чаще всего в бане (13183-22, 22а; 13170-7; 13180-14,15; 13178-29) или в избе под матицей (13183-22, 22а) посредством «нашептывания» на воду. При этом усиление магического воздействия текста происходило посредством произнесения его с конца к началу (13189-22). Успех лечения зависел от времени совершения ритуала и от «совмещения крови» (*«Ну если кровь подойдет, так поправится»* – 13180-7). Считалось, что испорченного человека можно вылечить только до полуночи: именно до этого временного рубежа человек в силах противостоять нечисти (*«После двенадцати часов эта сила-то в другую сторону проходит»* – 13180-14).

Устойчивым мотивом в мифологической прозе о ношульских колдунах является мотив их тяжелой смерти: *«А вот этот Максим он тоже тяжело умирал <...> Тяжело! Ой, очень долго. Да так опух <...> гроб завязывали веревкой. Так раздуло его»* – 13170-3а). Облегчение наступало только в случае передачи колдовского знания другому человеку (*«Вот, например, я колдую, а ты не примешь, дак вот, они не могут умирать, еле-еле умирают. Кому-нибудь суют»* – 13169-42) или при поднятии охлупня (*«Когда он*

умирает, нужно подняться на чердак и приподнять бревно, держащее крышу, только тогда он может умереть» – 13177-25).

Итак, рассказы о колдунах в одной из традиций южных коми характеризуются разнообразием, развернутостью и архетипичностью. Предлагаемая ниже подборка не претендует на полноту представления всего корпуса текстов, хранящихся в ФА СыктГУ, а лишь дает возможность увидеть своеобразие этих рассказов, оценить степень их типичности в ношульской устной культуре (все публикуемые тексты были записаны в короткий промежуток времени – в двухнедельный срок фольклорно-диалектологической экспедиции 2004 г.). Публикуются только тексты, записанные на русском языке и характеризующиеся признаками нарративности и относительной развернутостью сюжета.

Условные сокращения

ФА СыктГУ – Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета.

Литература

- Жеребцов 2001 – Жеребцов И.Л. Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. М., 2001.
- Шевченко 2000 – Шевченко Е.А. Корильные песни сватье в Лузском районе Кировской области // Традиционная культура. 2000. № 2. С. 90–97.

1. Вот у этой Нины Петровны отец и паренек говорили, что он колдун. [Как его звали?] Петр Петрович. Он умер уже. У нее отец. Мы ее называли, что он колдун, и вообще всю семью колдунами зовут. [А что рассказывали? Он делать что-то мог?] А я не знаю. Мне один раз рассказывали, что поехали окучивать огород, взяли окучник, а он говорит: «Девочки, подождите». Подошел, взял за окучник. Говорят, сколько ни пыта[с. 183]лись, окучник в сторону идет и все. Никак окучить не могли и так и бросили. Не знаю, насколько это правда. Дочь у учительницы рассказывала. <...> У него много женщин было. Он очаровывал, что ли, как-то по-своему. [Он только плохое мог делать или и хорошее?] Нам он делал только хорошее, плохого ничего не делал, помогал все время. Вот людям, говорят, что что-то плохое делал. [А лечить он мог?] Нет. Нет. <...> Еще вот про него: дома строил Петр Петрович один. Всё говорили: ему черти помогают. Потому что бревна такие огромные затаскивал наверх один, никто ему не помогал. Это что знаю, люди говорили. [Он дома в одиночку строил?] В одиночку [Его звали, чтоб он дома строил?] Нет, он для себя. Вот этот дом он строил, один, ни одного человека не позвал к себе, и тот дом он один строил. [А не боялись его?] Кто знает. [Говорят, знающие тяжело умирают.] Да нелегко умирал, он сердечник был [А что-то делали в таких случаях, чтобы облегчить им смерть?] Нет, по-моему, ничего не делали, сам умер. Слова ли какие знал, нет ли, а вот людям, как говорят, присушить кого-то мог. Вот так. Может, в баню звал, может, еще как. <...> Вот всё говорили, что он жене передал. А Нина Петровна говорит: «Может, он мне передал. Вот я теперь ничё не боюсь». [А Нина Петровна это кто?] Вот учительница, дочка его. А жена все время говорила: «Вот меня называют колдунья. Но если б я могла, я бы что бы делала». Она очень умная была и хитрая, поэтому как бы себе покоряла людей. Ей он вряд ли передал. А Нина Петровна говорила: «Я теперь магию изучаю черную. Я теперь все могу сделать». Жена тоже, говорили. «У меня есть книжка черной магии, вот я ее учу». [Антонина Семеновна, а он такой здесь в селе один был, Петр Петрович, или таких несколько было?] Так знали, но я с ними не очень знакома. Там женщина одна называлась Галина Шулепова. Тоже ее называли колдунья, а что она могла, я не знаю. У меня было. Как-то у меня муж надорвался на сенокосе, она его как-то вылечила, а как – не знаю. <...> Она что-то шептала, шептала на водку. <...> А потом сама и выпила. <...> Ковш воду возьмет, встанет под потолок, перекладину – матица, пошепчет-пошепчет на воду и умоет.

(13183-22, 22а. с. Ношуль, Кошерева Антонина Семеновна, 1925 г.р., урож. Волгоградской обл., в Ношуле живет с 1955 г. Зап. А.В. Насоновой).

2. Еще свое я скажу. Ну вот, едут там – от Лихачёвки дорога вот туда сворачивает. Я иду, а из машины вот так с крыши-то салфетка летит, надо мной. «Ну, лешак! Салфетка идет». Мол, ветер нету, а чё это салфетка-то. И перед моей машиной клоп и пала. Салфетка упала, и у меня машина заглохла. Это вечно я никогда не забуду! Это я говорю: «Колдун, Максим, как тебе [говорит по-коми] как тебе не стыдно?» [говорит по-коми] Надо заводной ручкой крутить, стартера не было [говорит по-коми] «Ай, лешак колдун, ай, лешак колдун!» И он ушел. А чуть-чуть возле ихнего дома не было, внезапно. [Это вы разгадали, что это был Максим, и он ушел?] Да. А все говорили, что он колдун. Вот и вышло. «Таня, дай заводную ручку». – «На». Сама я уже испугалась. «На». Час не знаю, крутнул не крутнул, машина работать стала. Это на моей опыте уже. [Какие сильные были колдуны!] Да!!!

(13170-1. с. Ношуль, Балина Татьяна Степановна, 1925 г.р. Зап. Е.А. Шевченко).

3. А в этом, изба-читальня тут была, а теперь это двухэтажный-то дом – селянка, тут был дом и изба-читальня. Раскулачили козяина, дом-то сделали изба-читальня: в одной стороне библиотека, а в другой стороне изба-читальня называлась. И мы туда собирались. Собирались, плясали, ой, очень! А это было, наверно, Рождество, начало Рождества, наверно, было. Забыла я. Обожди, я все равно у Паши спрошу, когда это было. <...> И ворона зашла. Одному на голову, другую через, вот мне сюда сядет, тебе нет, другому сядет, опять через... [Через человека?] Да. Ой, парни кричат: «Ловите Максима да ногуломайте!» И вдруг, раза четыре так круг сделал, и вдруг дверь открылся и улетел. Улетел и заходит пьяный, хромым был он, на войне был, война-то не эта, а другая была война-то. <...> [Финская?] Да! Ну вот и: «Я на войне был, я безногий, а вы на меня кричите, что я колдун!» Потом один смелый [с. 184] парень, такой молодец, говорит: «Я тебя выкину, не пугай людей. Девки, – говорит, – наверно все штаны мочили. Не пугай, – говорит, – через человека садишься». И вытолкали его.

(13170-2. с. Ношуль, Балина Татьяна Степановна, 1925 г.р. Зап. Е.А. Шевченко).

4. На берегу жил там Максим, Кирик Максим. <...> Максим все время рыбачил, продавал, на поминки дает [рыбу]. <...> Некоторые поставят слова, некоторые попримут. Так и будут колдовать-то. Семейство-то такое есть колдунов. Колдун или колдунья плохой будет уже, умирать хочет, дак и будет передавать, передает это-то слова, какое-нибудь слово. Тебе дам слово, ты повторяй. Повторяй, и ты будешь все время знать. [А это плохие слова?] Да, плохие! Плохие слова! Еретница и еретник. Всё могли делать. Вот здесь жил Олёксан <...> А Николай там живет. И он сказал Николай-то еретник: «Тебе три года рыба не видать». И перестали рыбачить. <...> [А людей могли портить?] Могут, могут, всё могут делать. <...> У нас там вниз будут идти, вот туда дорога идет, около конюшни. Да все равно посмотрит: как идем, да как будем в лесу придти. Всё болтает: чего принесешь да сколько принесешь. Еретник настоящий. <...> Чего попринесешь, сколько принесешь, может, мясо принесешь, может, грибы, может, ягоды. Чё попринесешь – все посмотрит. <...> Через окно видит, что спускаемся. <...> Это Николай Семенович, прозвище Поргач.

(13171-38,41,43, 44. д. Чекша Дор, Вахнина Екатерина Николаевна, 1922 г.р. Зап. Е.А. Шевченко, Т.Н. Бунчук).

5. Как пойдешь к станции, скажем, к больнице, есть очень красивый дом. Отсюда выходишь по этой улице и как раз на этот дом выйдешь. Потом уж там улочка, а сюда книзу – там базар-то. Очень красивый дом. Там жили этта муж с женой, но, семья, так сказать. И дети были, штук пять, наверно, было детей-то. Катерина Степановна была

завдетсадом, а этот муж-то был портной. И он на войне был. Да он был инвалидом и работал в леспромхозе кассиром, как я помню, все время. Но и все боялись. Например, вот как было. По рассказам все это. Виктор Андреич был бухгалтером и че-то ему поперек сказал. Может, и че-то документы не принял, я не знаю, не в курсе дела. Но он сказал: «Хорошо, запомни!» Это сказал бухгалтеру. И у него [бухгалтера] стала голова болеть. До чего болела! И ходил по этим, лечился, ничего не помогло. А в больнице ведь это не признают. И ничего, никакой признак нету. Ну вот, потом он тут жил. Виктор Андреич потом уехал это в город как бы полечиться, ну он там умер. Такой день-час пришел. И как умирал [колдун] не знаю, мне уже сказали, что сегодня хороняют. А этот колдун-то не только его, все боялись, чтоб он не задел, чтоб он ни это... Ну, я говорю: «Вместе работали, да пойду посмотрю». Это Максим Васильевич был. Но я зашла. А его гроб-то крышка завязана, замотана веревкой. Гроб-то поднимается, это крышка-то. Уже ночь ночевал в этом, веревке. А потом, уже кого ждали, я не знаю, но вообще до одиннадцати часов не хоронят. Стали выносить, я ушла, со стороны смотрела. А люди говорят: стучит, в гробу стучит. Потом понесли вот до больницы на руках. Обычно на руках несут. А этот быстрее положили на машину, да родня-то уехали. А это провожать-то много же пришло, много было людей. Но крышку не снимали. Ночью замотали, крышка снимается и все. А что там было, как там было? Никто ведь чужих-то не было, может, только дети были. И завязали крышку, чтобы не снялась. Вот. А его тоже сильно [боялись]. Он тоже из Лихачёвки. Вот в Лихачёвке-то там много этих умных-то, еретников-то. И увезли туда на Лихачёвку. Хоронили не на этом кладбище, а туда. Ну он оттуда сродом-то. [А говорили, что он с нечистой силой знался?] Да, конечно. Какая-то сила. И так ведь крышка-то не это, не снимается. Может быть, даже и никто и не знает, а, может быть, и шевелился, вставал. Вот ведь в чём дело-то никто не знает. Но как стали нести, дак вроде стучит.

(13180-18. д. Якутинская, Можегова Павла Павловна, 1926 г.р. Зап. Т.Н. Бунчук).

[с. 185] 6. У нас у мамы брат женился, Николай. Он уже умер – погиб на фронте. На празднике Савва пришел, немножко выпил, водку подал он. Говорит: «На, пей!» На Николая. Он ушел, Савва, а Николай начал крутиться, все разбивать. Вот пошли три брата. У нас шестеро у мамы брат-то было. Пошли три брата, поймали Савву в деревне, печку затопили, баню. А в бане раньше печка-то была не из кирпичей, а из камней, трубы не было, ничего не было <...>. И потом этто, поймали и говорят: «Если ты не вылечишь Николая, мы сюда посадим тебя». – «Дайте воды». Он брызгал и все [вылечил].

(13170-7. с. Ношуль, Балина Татьяна Степановна, 1925 г.р. Зап. Е.А. Шевченко).

7. Он настоящий колдун был. Он в Лихачёвке жил. Вот. И это, по улице идем на берегу-то с двоюродной сестрой, с Леной. Идем. Я говорю: «Лена, Дизань Савва идет, колдун». Лена: «Колдун, колдун, колдун» [шепотом]. В середине он, мы вот так идем, и он в середине. «Девушки, я ничего не знаю, вас колдовать не буду». И так и прошел. «Больше так не зовите!» [Он сильный был колдун? Много умел?] Сильный, ой! Если, говорит, дерево так-то – корки-то шатаются. Вот. «Я, говорит, если не могу, дерево сделаю. [Это ему нужно было. Такая потребность у него?] Нужно!

(13169-43. с. Ношуль, Балина Татьяна Степановна, 1925 г.р. Зап. Е.А. Шевченко).

8. У меня муж болел. Потом один пришел да говорит: «В Лихачёвке доктор есть, со мной работает. Если хотите, я скажу да придет». Ну, на какой день сказал, он в такой и пришел. Пришел и говорит: «Надо будет баню затопить». Я воды наносила, дрова нанесла. А баня тут была старая. Так и сделала это. «Нет, я сам затоплю, тебе нельзя». – «Ну, топи». Я взяла спички и лучинки. «Хорошо, только ты не ходи в баню, я сам. Чужим нельзя». Ну, нельзя, так и слава Богу. «А потом, когда я спрошу чего, тогда и сделай. Ой, – говорит, – холодной воды-то мало, принеси, я буду мыться, а потом вы будете, может, мыться». Ладно. Я воды принесла. Он дверь открыл, а в тазу вода разведено, всё брызгала

туда-сюда [делает круговые движения рукой]. [Это он так рукой крутил в тазу?] Никто не крутил ничего. Он читал свою колдовству, и только плещется одну, другую сторону. [Сама вода крутилась?] Да, вода крутилась. Потом его [Савву] немножко попоили. Да тут дурман-то есть: ходит все, что попало, болтает. А мужик-то говорит: «Савва, тебе что, все можно?» – «Все можно, только штаны снимать через голову нельзя, а потом все можно», – говорит. И всю ночь шумел, жену звал, бабу. [А вылечился мужик-то?] Да жив, вылечился. <...> Говорит: «Людей я убиваю, а никого не убил и не собираюсь». Так руками машет. «Знайте, если я на людей все пустил, никого бы не было. А я, – говорит, – в лес пустил». [Это он свое колдовство в лес пускал?] Да, целый бор, говорит, высох. Нам вырубить хватит двадцать лет. Потом говорит: «Не знаю, я просто так сказал». <...> [Какой он из себя был?] Кто, он? Он не очень большой ростом, ну нормальный, нельзя сказать такой или такой.

(13178-29. д. Якутинская, Трофимова Александра Николаевна, 1916 г.р., урож. с. Ношуль. Зап. Т.Н. Бунчук).

9. [А Вы слышали про Дизань Савву?] А съйе [по коми – «это»]... Дизань Савво. Дизань – это тоже прозвишко. А Савва – имя, дед Савва. Дизань Савва – это из Лихачёвки, не здесь. Он еще не такой простой. Ну вот так говорят. А где правда, где не правда, где возьмешь. Как бы колдун, боялись его, очень боялись. Он делал и вред и добро. [А что рассказывали?] Рассказывали, что вот какая-нибудь бабушка заболит, придет, попросит его. Я не знаю, как и величали-то ее. «Приходи, посмотри, что с ним». Он придет, посмотрит, скажет: «Нет, я не возьмусь, его сделали сильнее меня, я слабже. Я его лечить не берусь». А других опять говорит: «Но, затопи баньку да и это, пойдем баньке помоемся». Да это, баню пойдет, даже шубу не снимет. Этот разведет воду, туда в таз положит этот веник, потом читает чего-то, и потом веник... вода так вот бурлит... а веник **[с. 186]** так по тазу кругом ходит. Это рассказы. Я на себе не испытали, это рассказывали. [Это веник ходит?] Да, это сила такая, чтобы изгонять этот, зло. Потому он и не может ничего, а так веник возьмет, че-нибудь нашепчет, наколдуёт «тьфу-тьфу-тьфу» и побрызгает, и пойдет. «Ты мойся, ты одевайся, придешь потом». Кто поправляется, кто не поправляется. Он сам говорил, если кровь... Но у нас ведь сейчас группа называют, а тогда... ну если кровь подойдет, так поправится. И все.

(13180-7. д. Якутинская, Можегова Павла Павловна, 1926 г.р. Зап. Т.Н. Бунчук).

10. А тут вот прямо дом-то, дак никого сейчас и нету, один сын был, да и недавно умер уже этот. Мать-то даже не знаю. У матери сестра, что ли, Пелагея была. Пелагея, значит, очень боится, к ей позвали: «Дядя Савва, приходи ино». <...> Не поправится, дак умрет, а если поправится, дак будет жить. Но его позвали. <...> Он пришел и говорит: «Да, Пелагея, у тебя ведь болезнь эта очень серьезная, от человека ведь. Но потом этот давай яичко». Но яичко просто вот не вареное, а скажем, не свежее, а ну вот яичко не вареное. Вот потом это [яйцо] открыл и туда посмотрел. А сначала открыл: «На, посмотри, там что?» Яичко сердечком. Ну ладно. Потом он нашептал-нашептал и теперь говорит, а яичко в руке у него... Не сменил же ведь <...> И говорит теперь: «Вот посмотри, что у тебя там, на сердце, дано внутри». <...> Все там шевелится, че-то там шевелится, черное-то, ну как это жуки или черви ли, че ли, я не знаю. Потом он говорит: «Иди плюй, ну сколько раз, и это пей, это яичко, что в яичке есть».

(13180-8. д. Якутинская, Можегова Павла Павловна, 1926 г.р. Зап. Т.Н. Бунчук).

11. Он и на плохое делал, он умел. Он шутит вот с тобой так, шутит и все. [А как шутил?] Но, шутил, что женихи не любят или женихи любят. Или тебя вот так вот поддразнивает ли, но шутил. Как по-русски я не знаю, это по-коми [говорит по-коми]. Это он так-от между делом все говорит, а потом это, а сам свое делает. Потом я это... точно она рассказывала сама, и сейчас она не в себе. Говорит вот: «Сидим у мужа как-то родня».

С Лихачёвки же они, муж-то, а она сама-то не с Лихачёвки, где-то училась на лесника да приехала, да вот там-то в лесу-то с мужем и познакомилась с этим. А и говорит: «Сидим вот да за столом, все смеются, разговаривают всё. Он подшучивает все это, как смешит. А потом, – говорит, – обходил, обходил да на мою голову капнул из своей рюмки». И она ведь долго болела. Она это мне сама лично говорила. Это, говорит, вот Савво. И пошла она, сказала, что: «Савво-дядь, ведь это у меня голова болит, и я это, может, ты ничего не подумал сам, а я-то подумала, что ты на мене голову капнул». – «Да, – говорит, – не надо было думать. Я, – грит, – ничего не делал и не думал, а ты подумала, вот тебе и попало». И не стал лечить, хоть он и мог.

(13180-9. д. Якутинская, Можегова Павла Павловна, 1926 г.р. Зап. Т.Н. Бунчук).

12. Вот один интересный рассказ. Нет уже этой женщины и Саввы нету. Это замучивалась эта женщина с мужем: гуляет и всё. Пойду-ко я к Савву-дядю. А Савва-дядя ей родня, как-то ну по-родственному. Пойду-ко я Савве-дядю это понесу. Взяла чекушку вина, и пусть он нашепчет, и я напою мужа, и пусть это перестанет. Но она пошла. Но раз родня, дак это обычно <...>. А потом чай попили, и сказала: «Савва-дядь, я ведь тебе с делом». – «Но, давай рассказывай». Потом она рассказала <...> «Я, – говорит, – сам это сделал, я ведь это лечить-то не могу». Признался. «И обижайся, не обижайся, я, – говорит, – сам сделал». <...> [Значит, то, что сам сделал, не сможет?] Не сможет, видимо. <...> [А не боялись его на свадьбу звать?] А вот ей ведь на вечере и делал. Че-то, может, кто-то заказал или что. Без этого ведь он не стал бы так вот. Видимо, заказ какой-то был.

(13180-10. д. Якутинская, Можегова Павла Павловна, 1926 г.р. Зап. Т.Н. Бунчук).

13. Про меня [моего] дедушку говорили, а он ничего не знал. Вот. Можегов Савва Савич был, у мамы отец. Да все время боялись люди. [Почему боялись? Что он знал?] [с. 187] Ничего не знал. Какой-то «Отче наче». «Отче нач» – какой-то молитва. Говорила, мать у нас говорила. [Он лечил молитвами?] Да вот лечил. Читает, как будто говорят: «Ой, мне легче стало». [Это к нему приходили лечиться?] Он ходил, он. [От каких болезней он мог лечить?] Не знаю, как называется. Уроки. Урок – изглазили за это, порусски-то. <...> Одна бабка говорила: «Зайдут домой, ковш воду принесет ему, и посмотрит так, свою посмотрит, лицо-то на воду. Да он посмотрит, он бормочет там какой-то молитвы, и брызгает тебя, моет». Так люди говорили, я не знаю. <...> Кто чего дадут [за лечение]: кто деньги есть, кто еды че-ко есть, может, дадут. <...> Боялись его, говорили: «Колдун идет, колдун».

(13184-1. д. Чекша, Горбунова Таисия Федоровна, 1923 г.р., урож. д. Лихачевка. Зап. А.В. Насоновой).

14. На добро и на худо [ворожейки делать могли]. Не включай [магнитофон], я скажу. У нас у снохи был брат. Он у нас в Починке жил. А мы жили на берегу. И они к нам на квартиру пришли. Мне было тогда четырнадцать лет. На квартиру пришли. Сноха-то у нас ушла работать в леспромхоз, а я <...>. Оттуда надо дом-то перевезти сюда. Там разобрали, лошадьми надо везти сюда, вот тут дом-то недалеко. <...> Сноха-то, у брата-то жена, говорит: «Таня, ты попросись от сельпа-то, я Павелу скажу» (а Павел – брат-то). «Отпросись у председателя, пусть тебя отпустит». А мой дядя был председатель колхоза. Говорит: «Если ты пойдешь, дядя тебе лошадь даст, Мыша». Мышой называли [коня] – горбатый. Ну вот пошла. <...> Я пришла, а он тут жил немой Андрей <...> Он мне запрёг, я и поехала. Поехала, много раз привезла [бревна]. Кушать начали. Мне надо на работу <...>. А тогда много возили лагерников. Тогда ведь автобусов не было, дороги до Сыктывкара [не было], поезд-то не ходил. Арестантов много, судимых да подсудимых возили на машинах. На машинах возили, от Ухты до Мурашей возили. Я пошла туда в столовую. Ой, много уже народу, меня заведующая ругает: «Зачем, – говорит, – ты долго ходила?» Говорю: «Последние привезла и сразу пришла». Переделась. Когда стала идти,

бабушка-то говорит: «Обожди! Не ходи!». Верить, не верить. Из комнаты выхожу, это как порог: одна нога здесь, другая тут, и порог-то между ногами. Между ногами. И забыла уж, которой рукой она кружку молока дала и пирог. <...> Половину отломала и дала: «На, сдохнешь голодом, поедешь дак». Я говорю: «Куда я поеду? Никуда не поеду». Как будто сердито сказала. Пришла. И там мы две Тани работаем в этом «ресторане-то». Две Тани и обе Мышиловы – у нас один род был. Я говорю: «Таня, вот так и так, вот что Чиглеовна сказала». – «Ой, ой, ты пила молоко?» – «Я не хочу уже пить, наливает силком». – «Ты дура!!! Не надо было пить-то». – «А как не пить-то, наливает, пирог вкусной да съела половину», – я ей говорю. «Ой, ой, Таня. Иди сбегай, у старухи че-нибудь укради». <...> «Таня, я поеду». – «Куда?» – «Куда глаза глядят. Куда глаза глядят, туда и поеду». Рассчиталась. <...> Там за рекой был дом, дом проезжающий и заправочная. Неделю я там жила, домой не ходила! Из столовой Таня принесет мне хлеба, котлеты да что-нибудь. <...> Там я неделю жила, машина-то первая пришла. Шофера помню – Радько Петька. Я говорю: «Петя, ты обратно будешь ехать, никого не бери в кабину, я с тобой поеду». – «Куда ты, дура, поедешь?» – «Куда глаза глядят». – «Ты сумасшедшая!» – «Не хочу я в Ношуле, поеду». И он обратно-то вернулся, <...> Петя взял меня и поехал. В Сыктывкар-то приехала. Куда зайду? <...> Я на крыльце ночевала. В чемодане-то подушка и два платья <...> Утром кто-то меня будит. Я проснулась, и женщина стоит: «Таня, почему ты здесь? Почему ты к нам не пришла?» То двоюродная сестра, за рекой она жила, свой дом был. Раскулачили. Она в Сыктывкар поехала, там замуж вышла <...>. К им пошла <...>. Меня она потом на шпалозавод устроила кочегаром. Вот так я с двенадцати лет работала. <...> [Вернулась через несколько лет.] Дом закрыто. Нету. Зашла туда. А там рядом у отца брат живет. Четыре брата было, он Олэксандр. Я зашла, он на койке сидел. Так глаза закрывает, открывает, глаза закрывает, открывает. Я говорю: «Дядя Олэксан, ты что? Глаза, что ли, болят?» – «Какой [с. 188] глаза болят, ты мне мерещишься». Я говорю: «Как я мерещусь?» – «Ой-ой-ой, Таня, Анна приезжала из города, Паяна. И ведь это тебя ведь убили, у тебя ведь сейчас сороковой. Пошли, – говорит, – на сороковой три Иченьи». Меня Иченья называют, да братья-то у дядя-то. «Пошли они на могилу». Пошла я на крыльцо, села. Ичень идет Ульяна. Она меня увидела и корзину уронила. Говорит (так долго-долго ничего не сказала): «Ой, Таня, ты али нет?» – «Ичень, ты что? Зачем корзину уронила?» «Я, – говорит, – испугалась». – «Как ты испугалась?». – «Вот, – говорит, – Анна приезжала, только вчерась уехала. Она сама сказала, что тебе заводная ручка ударила, да в больнице ты была и умерла». – «Да, заводная ручка ударила мне, да в больнице я недолго лежала. Руку только поправили здесь». Ну вот. Я не умерла.

Они обещались туда чай пить, эти двоё-то еще тетки. Пришли. Вторая опять также. Третья пришла. И третья не посмотрела: «Ты, – говорит, – приведенье». Пошла она к мужу, председатель колхоза который. Пошла и дядя Егора привел. Дядя Егор говорит: «Татьян али нет, скажи? Все испугались Ичени». – «Дядя Егор, я». – «Но-ко скажи поправильну, че ты говорила? Ну, какой пела»³. Я сказала. Он тогда: «Это наш Таня». Сели. Сперва хохотали, хохотали. Невестка пришла: «У меня чай готов, пошли пить. Вася, – говорит, – пришел. Он сказал, что ты здесь». В общем, мы пошли. За стол сели. А стол-то вот так, тут окошко, тут окошко, здесь я сижу около окошка, открытый окошко-то. И эта старуха-то идет за водой. Речка-то сразу у нас тут. Ну вот, идет: «О-о, машина. Есть родня сегодня у Шутпи». – «Анна Григорьевна, три года исполнилось». Три года я ходила. «Три года исполнилось, я пришла». У Васи-то тоже окно открыто. И Вася через окно выскочил и говорит: «Какая Анна Григорьевна! Это ведь Татьяна три года ходила. Что, ты ведь колдунья!» Вася-то у нас и заругал, коромысло сломал Вася-то, и так поругал ее. Умерла как она? Страшно! Как по-вашему, не знаю, называется – стая. Стая двери-то вот так царапала неделю. Вот колдовство-то! [Это колдуны так тяжело умирают?] Да! Если у них не примет это колдовство-то никто. Вот, например, я колдую, а ты не примешь, дак вот, они не могут умирать, еле-еле умирают. Кому-нибудь суют. Вот на своем беде я была.

³ Дядя попросил рассказчицу произнести характерные для нее слова и выражения, а также спеть.

[И много таких колдунов-то было раньше, Татьяна Степановна?] Много. Да и щас есть. На хорошего нету, а на плохого есть.

(13169-41,42. с. Ношуль, Балина Татьяна Степановна, 1925 г.р. Зап. Е.А. Шевченко).

15. ...Колдуны да еретники [А что, еретники были здесь раньше?] Были! Вот, например, вот тут окно видно, там старик был – еретник. Я иду с базы, сюда поднимаюсь, он встречается, а я до усрачки его боюсь – колдун есть колдун. Я так держу [соединила большой и безымянный пальцы]. Он меня не может проходить-то, раз я так держу. «Саранька-дитятко, не бойся-от меня. Я тебя ничего не сделаю». Я того дурне испугалась: О, Господи! Держу, да не может проходить-то. Да. [А кто вас научил так держать?] Не знаю. Всякие знают <...> [А что колдун-то мог делать?] А кто и плохое может делать, а кто и хорошее.

(13167-44. с. Ношуль, Вахнина Сара Алексеевна, 1929 г.р. Зап. Е.А. Шевченко).

16. Один колдун тоже пришел [на свадьбу]. Пospорили с каким-то мужиком, он и давай; «Я тебе сделаю, накажу тебя: заставлю я тебя туалет чистить, грызти зубами. Давай иди грызи!» А полно гостей в комнате. Он вышел. Нет и нет. Пошли [смотреть]. Он пошел в туалет и прямо дырку зубами грызет, его тащут, не могут, тащут, не могут. «Не тащите, пока я не освобожу, он не уступится». Он что-то сказал. Встал, а не помнит, что он обгрызал. «Ты сейчас зачем грыз?» – «Нет, вы что? Я нет».

(13167-44а. с. Ношуль, Вахнина Сара Алексеевна, 1929 г.р. Зап. Е.А. Шевченко).

17. Мама говорила. Подобие колдуна бабка была: колдун ли, не колдун, просто знаток ли, крен его знает. Маме говорит: «Гале, я тебе передам молитвы. Прими. Я тебе что [с. 189] говорю, ты повторяй». – «Ладно. Молитва дак молитва». Она стала говорить. Не знаю, какую. Мама говорит: повторяю, повторяю, слышу неладные слова, неладные слова. «Не буду я повторять!!!. Мне не надо такое молитвы!!! Я не буду!!! Не надо, не надо, убирайтесь!!! Я и слушать не буду!!!» И не стала. Это она хотела передать маме. А если передашь, то уже можешь действовать.

(13167-47. с. Ношуль, Вахнина Сара Алексеевна, 1929 г.р. Зап. Е.А. Шевченко).